

В стихах эту мысль В. выразил так: «Горит бессмыслица звезда, / она одна без дна» (**«Кругом, возможно, Бог»**, 1931).

Эсхатологические настроения усилились у В. после его ссылки в Курск в связи со сфабрикованным ОГПУ делом, в частности о «вредительстве в области детской лит-ры» посредством использования «заумных стихов» (см: Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела // Октябрь. 1992. № 11. С. 167–191). После освобождения и возвращения в Ленинград у В. начинается творческий подъем, и трагический пафос его стихов крепнет. Еще в декларации ОБЭРИУ творческий метод В. обрисовывался следующим образом: «А. Введенский (крайняя левая нашего объединения) разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расширять до конца, то получается в результате — видимость бессмыслицы. Почему видимость? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет» (Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 12). В 1930-е произошло обратное: «бессмыслица» стала у В. содержанием произведений, адекватным совр. жизни, а словесное «разбрасывание на куски» сменилось стройной формой медитативного монолога или диалогического интеллектуального действия при сохранении принципа алогизма. Таковы лучшие из сохранившихся произведений В. (их — ничтожная часть от созданного: будучи человеком бездомным, поэт свои создания не хранил). Это — **«Приглашение меня подумать»** (1931–34?), **«Мне жалко, что я не зверь»** (1934), где звучит тоска по невозможности бытия индивидуума во всем многообразии мира. Это **«Потец»** — жуткая драма о всемогуществе смерти и упорстве человеческого сознания (1936 или 1937). Это драма для чтения **«Елка у Ивановых»** (1938), где полностью торжествует абсурд при разумности всех реплик персонажей. Наконец, это **«Элегия»** (1940), которую восторженно читала А. Ахматова накануне войны, — величественное примирение со смертью («На смерть, на смерть держи равнение, / певец и всадник бедный»). И вслед за ней — **«Где. Когда»** (1941) — окончательное прощание с миром во всей его метафизической необъятности.

В. осознавал свою несовместимость с установившимся политическим режимом. В 1936 он переезжает в Харьков, но это его не спасет. 27 сент. 1941 он был подвергнут

превентивному аресту (принудительная эвакуация прежде репрессированных) и, по противоречивым свидетельствам попутчиков, погиб в ходе следования на Казань.

Реабилитации В. помог Сергей Михалков, который познакомился с ним в 1930-е и чей знаменитый «Дядя Степа» возник не без влияния стихов В.

В целом творческую позицию В. характеризует изречение: «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома (из стиха 35 главы 13-й Евангелия от Марка), — то есть живите всегда сейчас, так как прошлого уже нет, а будущего еще нет, поэтому думайте о настоящем — о сейчас, за которое вы отвечаете, несете ответственность за то, что сейчас совершите...» (Друскин Я. — С. 111). Творческое наследие В. еще ждет тщательного изучения. «В поэзии я, как Иоанн Креститель, только предтеча» — так характеризовал он себя (Друскин Я. — С. 109). М. Кузмин называл В. поэтом эпохальным, Д. Хармс причислял его к великим писателям, которые «имели свою идею и считали ее выше своих художественных произведений». И называл имена других — Блейк, Гоголь, Толстой, Хлебников (Поэты группы ОБЭРИУ. С. 18).

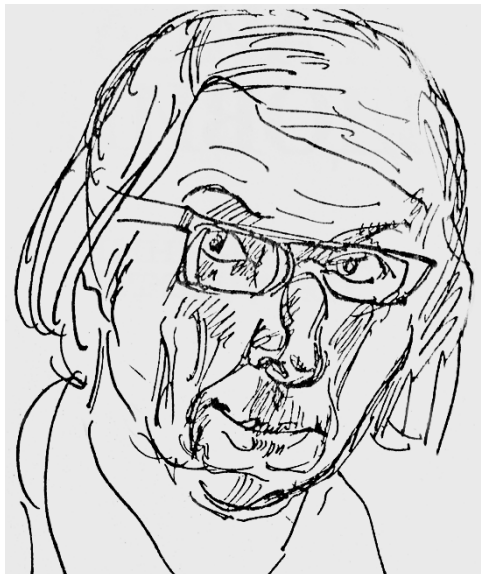
Соч.: ПСС. Анн Арбор: Ардис, 1980. Т. 1; 1984. Т. 2; Полное собр. произведений: в 2 т. М., 1993; Избранное. München, 1974; Ванна Архимеда. Л., 1991; Поэты группы ОБЭРИУ. СПб., 1994.

Лит.: Александров А., Мейлах М. Творчество А. Введенского // Тартуский гос. ун-т. Материалы XXII науч. студенческой конференции: Поэтика. История лит-ры. Лингвистика. Тарту, 1967. С. 105–115; Рахтанов И. «Еж» и «Чиж» // Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1969. С. 143–190; Семенов Б. Поэт Александр Введенский // Семенов Б. Время моих друзей. Л., 1982. С. 278–289; Радов Е., Никитаев А. Поэзия и судьба: Творческий путь Александра Введенского // В мире книг. 1987. № 6. С. 65–67; Александров А. Ученик Мельхиседека: О жизни и творчестве Александра Введенского // Звезда. 1989. № 10. С. 177–180; Друскин Я. Чинари // Аврора. 1989. № 6. С. 103–115; Елизавета Сергеевна Коваленкова вспоминает. Сергей Владимирович Михалков вспоминает. Анна Семеновна Ивантор вспоминает // Театр. 1991. № 11. С. 96–99, 101, 116–119; Валлева Ю. М. Поэтический язык А. Введенского: Поэтическая картина мира. СПб., 1998; Кобринский А. «ОБЭРИУ» в контексте русского лит. авангарда. М., 1999.

Г. В. Филиппов

ВДОВИНА Раиса Дмитриевна [22.6.1933, Ленинград] — поэт.

Ее мать работала швеей на фабрике им. Володарского, отец был мастером на за-

Р. Д. Вдовина

воде; он оставил семью, когда В. было 4 года. В начале Великой Отечественной войны, когда детей организованно вывозили из города, В. оказалась в интернате: несколько лет жила в уральской деревне, училась в сельской школе в Челябинской области; среднюю школу окончила в Ленинграде. В 1951 поступила в Ин-т иностр. яз. на английское отделение, но со 2-го курса ушла, отдав предпочтение Худож. училищу, которое тоже не окончила. Поэт и художник всю жизнь соперничали в ее душе; больше везло поэту. В итоге В. окончила заочное отделение Московского полиграфического ин-та (1966) по специальности книжная графика, параллельно с учебой и после окончания ин-та работала художником-гравером и живописцем на заводе худож. стекла, в переплетном цехе «Печатного двора», художником в военно-медицинском музее, в худож.-конструкторском бюро, смотрителем в зоопарке.

Несомненная талантливость и «противоречивость» (так это называлось тогда) первых же поэтических опытов В. привлекли внимание критики и старших товарищей по ремеслу; это же породило и серьезные трудности для публикации. Рукопись первой книги В., представленная в изд-во «Советский писатель», вызвала неоднозначные отзывы. И. Авраменко, отмечая бесспорную одаренность В., строго порицал ее за «непереваренный» поток впечатлений, «непочтительность и цинизм» идеологически не проработанных зарисовок с натуры, излишний драматизм

переживаний — непопустительную «растерянность опутанного страстями человека»; а еще за «вызывающе грубый стиль» и неприкрытую искренность — все, что не может «служить коммунистическому воспитанию народа». Образцом «цинизма» и «грубости» приводился стих. **«Дед»**: крутая судьба деревенского предка, одиноко и страшно умиравшего в поле, на пашне. «Кончался дед, как та деревня, / Что в сарафанах и в лаптях». Натурализм деревенского быта представлялся тогда как «национализм»: изба, «где был чугуин с ухватом, / С горшками в молоке парном / И с самоваром тем брюхатым / На красной лавке под окном». «Дед» был напечатан в первой большой подборке стих. В., с рекомендацией поэта С. Орлова, в газ. «Лит. Россия» (10 дек. 1965), однако впоследствии ни одну книгу В. не включался.

Очищенная от острых впечатлений и «грубых» подробностей, первая книга В. **«Зеленые купола»** вышла в 1968. Рекомендую книгу к изданию, С. Ботвинник подчеркивал присущие стихам В. зримость и непосредственность, своеобразную угловатость не только образов, но и чувств. Вторая книга В. **«На белом поле»** появилась спустя 7 лет. М. Дудин, представляя ее, одобрительно отмечал «опыт познания жизни» и чувство сопереживания, которые делают поэта истинным выразителем времени. Имея в виду третью книгу В. **«Черемуха»**, Г. Горбовский признавался (во внутренней рецензии), что после утомительного чтения многочисленных «нормальных» стихов эта книга — как целительная встреча с творчеством настоящего поэта, воспитанного «городом дивных поэтических традиций»: стихи горячие и красивые, даже когда выглядят угловатыми, как бы недоработанными, в них поэтические детали «вспыхивают, ударяя нас по глазам и ушам». Художник виден в острой и точной образности стиха. В то же время, высоко оценивая в целом книгу «Черемуха», критик Н. Банк желает поэту «большей социальной четкости» и определенности «в создании средствами лирики картины современного мира».

От книги к книге В. по-своему прорисовывает сюжет, выстраивая свой путь развития личности — в поэтическом восприятии жизни — от романтически возвышенного поиска душевной гармонии к постижению повседневной истины, к поэзии обыденного, без высоких слов и торжественных эпитетов. Это ощутимо в книге **«Окна на север»** (1985).

Итогом 20-летней работы В. явился сб. **«Высокая вода»**, завершивший в конце 1980-х не только творческий — историчес-

кий период прожитой жизни. Случившийся в стране перелом — социальный и нравственный — вывел В. на др. орбиту. С поэтом изначально аполитичным, не знавшим ни модных, ни диссидентских всплесков, далеким от трибунных страстей, произошла, казалось бы, неожиданная метаморфоза. От безопытной и внесоциальной, «чистой» в своем роде поэзии, где царило высокое чувство единения с природой и городом, В. круто шагнула в жестокий мир новой реальности. Неизменным осталось бескомпромиссное кредо художника: «Есть высший подвиг — быть самим собою». Нахлынувший образ жизни, холодной и беспощадной, вдохнул в поэзию В. не столько протест, сколько трезвость представления о жизни в «общедоступном» кругу; взгляд из возраста, когда не ждут утешений и не тешатся надеждой, когда уже нет места для суеты. Три книги последних лет, изданные тиражом в несколько сот экземпляров, — стихи о поколении, которому новая реальность провела черту за порогом. В них звучит последняя, нескончаемая любовь к жизни во всяком ее проявлении — к самой живой стихии: город ли это — в безликом его районе, с «железными елками» линии электропередач, «ушедшие» ли с любимой набережной тополя, «меньшие братья» или просто ночные прохожие. Любовь на грани катастрофы, попытка противостоять замерзанию чувств с помощью странной смеси печального юмора с дерзким высоким стилем, когда темный подвал с бездомными кошками, «узниками прогресса», сквозь боль сострадания видится сродни освенцимской печи. Чувство вины поэт берет на себя. Прежде словно бы замкнутая душа отважно раскрывается навстречу пугающему существованию, готовая защитить слабейшего и сохранить хотя бы чувство собственного достоинства в человеке.

Соч.: Зеленые купола: стихи. Л., 1968; На белом поле: стихи. Л., 1975; Черемуха: стихи. Л., 1980; Окна на север: стихи. Л., 1985; Высокая вода: стихи. Л., 1988; Привычные предметы: стихи. СПб., 1995; Две книги стихов. СПб., 1997; Есть бытие: стихи. СПб., 2001.

Лит.: Рожанковская И. Раиса Вдовина: Зеленые купола // День поэзии. Л., 1968; Орлов Вл. Побег травы // Аврора. 1975. № 2. С. 67–68; Малярова И. Всегда течет живой ручей // Нева. 1976. № 5; Мазья М. Вкус черемухи... // Смена. 1980. 24 сент.; Банк Н. Дом поэта // Нева. 1980. № 9; Ходоров А. Глубокие корни // Ленинградская правда. 1985. 22 окт.; Кононов Н. Поэзия обыкновенного // Нева. 1986. № 4; Цурикова Г. Плести из жизни кружева // Нева. 1996. № 4.

Г. М. Цурикова

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Анатолий Евгеньевич [1(14).12.1901, Варшава — 2.1.1981, Париж] — поэт, прозаик.

Детство и юность В. провел в Елизаветграде (ныне — Кировоград), где его отец преподавал в кавалерийском училище (по др. версии — был сменным офицером этого училища). Существует гипотеза, что В. принадлежал к роду черниговских дворян Величковских, герб которых приводится в Малороссийском гербовнике В. К. Лукомского и В. Л. Модзалевского (Киев, 1993): «В щите: звезда, полумесяц и кавалерский крест в столбе». Согласно тому же Малороссийскому гербовнику, семья поэта восходила к Иосифу Андреевичу Величковскому, сотнику Сенчанскому, представленному в списках черниговского дворянства за 1783.

Юношеские елизаветградские впечатления В. описаны в стих. «**Это было — где-то**» (1969), представляющем собой бытовую зарисовку: на учебном плацу Елизаветградского кавалерийского училища два эскадрона слушают молебен «о христоролюбивом воинстве имперском». Но эта зарисовка только повод для размышлений поэта о феномене христоролюбивого воинства и воинском подвиге, который сродни подвигу духовного воинствования «под знаком креста».

В 1918 будущий поэт находился в отряде, сформированном его отцом, полковником Е. В. Величковским, участвовал в стычках с махновцами. Известно, что Елизаветградская ЧК безуспешно пыталась арестовать полковника Е. В. Величковского и его старшего сына Алексея. В 1919 В. вступил в Добровольческую армию, а в начале 1920-х вместе с отступающими войсками Ф. Э. Бредова оказался в Польше, где некоторое время был управляющим графским имением.

Другой этап жизни В. неразрывно связан с Францией. Сначала поэт работал на металлургическом заводе в Канне, затем был шофером такси в Лионе. Впоследствии в письме к поэтессе Татьяне Фесенко от 23 сент. 1973 В. называл автомобиль «одним из тех „лжечудес“, которые отнимают у людей веру в Бога», и одним из помощников человечества «отойти в мире сем от мира иного» (Фесенко Т. А. — С. 58–65). Т. Фесенко считала, что «переезд во Францию, тяжелый труд чернорабочего на сталелитейном заводе, изнурительная работа ночного шофера на улицах Лиона, видимо, углубили отталкивание от техники и автомобиля, так ярко проявившееся в его книгах» (Фесенко Т. А. — С. 58).

В сатирическом романе В. «**Богатый**» (1972) благородный конь противопоставлен